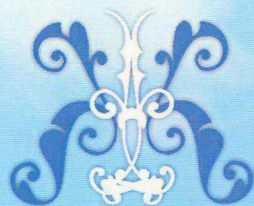
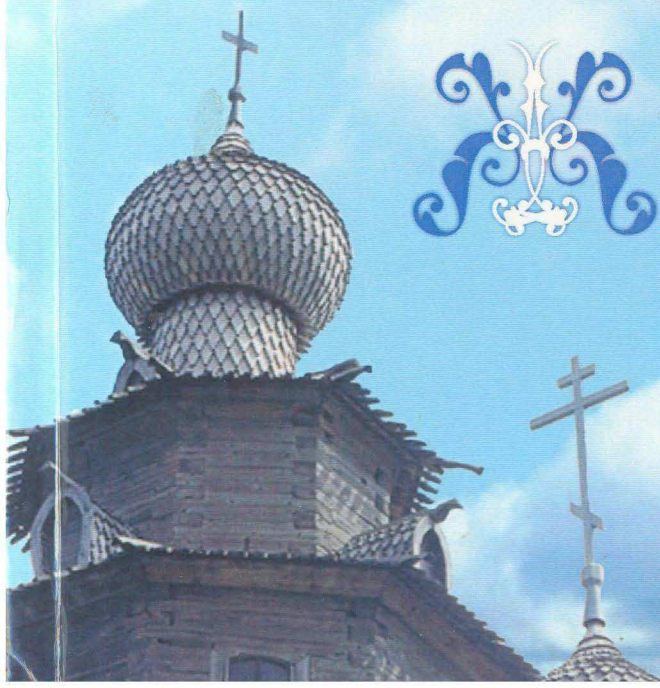

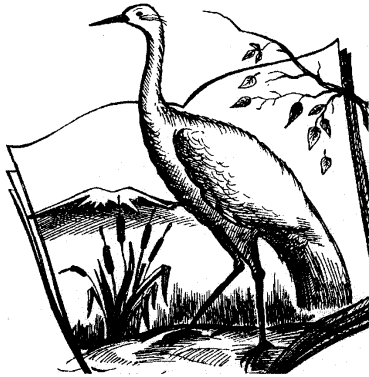
Валерий Мартыненко

УРАВЛИНАЯ
ПЕЧАЛЬ

Валерий Мартыненко

Журавлиная печаль

Стихотворения и поэма

г. Актобе, 2007 г.

*Всем, кто любит и верит,
Ждет, и надеется,
Радуется, и грустит,
И творит на Земле добро – Посвящаю.*

Автор.

*Пред вами жизнь моя – прочтите жизнь мою.
Ее, как рукопись, на суд вам отдаю.
.....
Я все вложил в нее, что знал и что имел.
Я так писал ее, как мог и как умел.*

Юрий Левитанский.

О себе

Выношу на суд читателя свою четвертую книгу стихов-результат моих раздумий, бессонных ночей, мечтаний и поисков. Живу с верой и надеждой на то, что она откроет для тебя, читатель, мир добра, любви, милосердия – всех тех настроений, которые испытывает человек, когда вспоминает свои самые лучшие годы жизни. Если так случится, то ради этого стоит жить на свете. Немного о себе. Родился я в Казахстане, в г. Актюбинске в 1955 году, 22 июня, в рабочей семье. Дата рождения, конечно не радостная. Поэтому всегда бросается в глаза. Может потому она не оставляет меня своей памятью о горьком событии в истории человечества. Отец мой, Николай Иванович, родился в селе Новотроицкое Актюбинской области, Новороссийского района. Восемнадцатилетним юношей ушел на войну, был механиком-водителем танка Т-34. Дошел до города Кенигсберга. Дважды раненый и контуженный, был демобилизован перед самым взятием вражьего логова, так как стране нужны были трактористы, чтобы пахать землю и сеять послевоенный хлеб. Мама моя, Екатерина Спиридоновна Барнаш, родилась в поселке Калиновка, Родниковского района. Мамин отец и мой дед Спиридон, приехал из Кубани со своей семьей во времена Екатерины II, на свободные земли. Тем, что я полюбил стихи, стал интересоваться литературой, я обязан деду. Он имел три класса образования. Помню, как он читал из Алексея Кольцова: «Что ты спишь, мужичок, ведь весна на дворе и соседи твои работают давно» и басню Крылова «Стрекоза и муравей». Читал так певуче и мелодично, что я запомнил это на всю жизнь. Дедушка скорняжил, был середняком. Работал от зари до зари, не покладая рук, чтобы прокормить пятерых детей. Имел большое хозяйство. В 1929 году был раскулачен родным братом, большевиком. В этом же году друзья – казахи тайно вывезли семью Спиридона Афанасьевича из Калиновки в

Актюбинск. Меня всегда в детстве и юности до самой смерти деда интересовал вопрос: почему родные братья живут врагами? Потом я узнал все от мамы. Вот такое было время. Прости, читатель, что начинаю издалека. Очень хочется вспомнить все то, что так волнует и бередит мою душу, ведь никого уже из них не осталось, а душа болит и ищет выхода. Этим и живем и жить будем на матушке – Земле, пока она, многострадальная, вертится. Хочется, чтобы мои дети сын и дочь, и дети моих детей знали и помнили о них. Мама писала стихи и когда читала их мне, то я плакал, потому что они были горькие и печальные, как и сама мамина жизнь. В 13 лет мама осталась сиротой, поэтому родной бабушки Феклы Алексеевны я не знал, но мама много рассказывала о том, что бабушка ходила по поселку и нанималась на работу: обмазывала глиной землянки, стирала белье – выполняла любую работу. Мама, сколько я помню, тоже была великая труженица, не знавшая покоя ни днем, ни ночью. Не понимаю, когда она успевала все делать; вставала чуть свет. Мама научила нас любить труд, землю, на которой мы работали с малых лет. И я благодарен ей за это. О ней и о тех кто мне дорог в сборнике есть стихи. Нас у мамы было трое: старшая сестра и мы с братом – двойняшки. Любовь к книгам пришла ко мне в четвертом или пятом классе, когда нам после окончания выдавали новенькие учебники в следующий класс и я с интересом рассматривал в них картинки. Особенно нравились сказки, которые нам читала сестра Валентина. Я с братом Вячеславом слушал их внимательно. Потом мы во дворе устраивали спектакли, сценки по прочитанным сказкам. Стихи начал писать в 16 лет. В саду, затененном фруктовыми деревьями, в самом дальнем углу я соорудил стол и скамейку и в свободное от уроков время, занимался сочинительством. Это были, конечно же, далекие от совершенства стихи, робкие и несмелые попытки выразить свое отношение к окружающему меня миру, первой школьной любви, которая и стала причиной взяться за

перо. В это же время произошла моя встреча с известным Актюбинским поэтом Константином Ивановичем Деркаченко, который и стал моим учителем в поэзии. То, чему он меня учил, я стараюсь передать молодым, начинающим свой путь в творчестве. Это был прекрасный поэт и прекрасный человек. Когда он выступал со своими стихами перед студентами или рабочими, то у многих из них появлялись слезы на глазах. До сих пор его помнят люди и я несу благодарную память о нем. Как ученик, я вместе с сыном поэта – Виктором выпустил в свет две больших книги его стихов: «Ради жизни на земле» и «Родник большого чувства». О них при жизни мечтал поэт. После окончания школы в 1972 году, устроился работать на завод «Актюбхимпласт» подсобным рабочим зеркального цеха. Благодарен судьбе и той заводской проходной «что в люди вывела меня». В 1973 году поступил в Актюбинский пединститут на филологический факультет. После каждого курса обучения, летом, я приходил на свой родной завод и работал грузчиком. По окончании института в 1977 году служил в рядах СА, в танковых войсках командиром танка. Хотелось почувствовать на себе хоть малую часть того, что испытал мой отец сидя за рычагами танка. После службы, работал в райкоме комсомола, инструктором орг. отдела. Потом – освобожденным секретарем треста «Актюбстрой». Организационная работа с молодежью в течение пяти лет научила меня преодолевать трудности, проявлять комсомольский задор, относиться к людям с пониманием, быть всегда нужным, делать очень полезную и необходимую работу в молодежной среде, гореть сердцем и душой. Сейчас, сравнивая свою комсомольскую юность с юностью нынешнего поколения, поражаюсь тому, как изменились ценности духовные и моральные. Нет ни одной молодежной организации в странах СНГ, которые могли бы сравниться с комсомолом. Молодежь предоставлена сама себе. Засилье телеэкранов голливудскими боевиками, грязными сериалами – делают

свое дело с целью духовного растрепания нашей молодежи. Больно смотреть на все это и страшно думать: к чему придем. Поэтому своим творчеством стараюсь нести в мир добро, теплоту, свет, которого не вижу с 1998 года. Но, чувствую и ощущаю перемены, происходящие в нынешнем обществе людей. Считал и считаю, что поэзия – это высочайшее проявление красоты души, что стихи должны нести людям родниковую чистоту Слова, мысли, чтобы людям хотелось отозваться на них добром и любовью. С ужасом слушаю о том, как сейчас относятся к Божьему дару – Слову, что любовь заменили гадким, пошлым – секс. С 1994 года работал учителем русского языка и литературы, приучал детей любить книгу, ибо считаю, что это единственная ценность которая существующая на нашей грешной Земле. Книга никогда не предаст, она будет всегда с тобой рядом, верным другом, если ты ее полюбишь по-настоящему. Пишу, в основном о любви это чувство – самое высокое и светлое, которое может изменить человека к лучшему. Только с любовью он может творить большие и добрые дела, спасти мир от зла. Не могу равнодушно относиться к тому, что сейчас творится в нем. Верю в то, что добрых людей больше, чем злых и света больше, чем тьмы. Антон Павлович Чехов сказал: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Великие слова. Пожалуй, лучше и не скажешь. Я мечтаю, искренне хочу, чтобы у нынешнего поколения, особенно у школьников, перед которыми мне приходится выступать, эти слова не были бы пустым звуком. Все мои мысли, чувства, навеянные событиями в моей жизни – в моих стихах. Это мое прошлое, настоящее, а будущее думаю, ляжет в следующую книгу. Не суди строго, читатель. Написал все как умел, как дышал. Это моя жизнь, ее большая часть. Надеюсь на встречу впереди.

Валерий Мартыненко.

Тихо проснется утро
С пением жаворонка,
С посвистом свиристелки,
Звонкими „соль, ля, си.”
Красное выйдет солнце
В милой степной сторонке,
Солнце взвалю на плечи –
Только б хватило сил
С ним колесить по свету,
От востока на запад,
С ледниками на север,
С ветром в песках – на юг.
Может ещё успею
От красоты внезапной
Нарисовать на прошлом
Новый свой бранный круг.
Только бы не закрыли
Белыми облаками,
Взгляда из - под ладони
Глаз моих голубых,
Только б не обманутся,
Только бы не слукавить,
Только бы вновь поверить,
В добрый прилив судьбы.
Мне бы достичь хотелось
Снежной моей вершины,
Часто о ней я грезил,
Мерил на свой аршин.
Но три великих слова,
Три меж бровей морщины,
Тянут меня обратно,
В омут моей души.

Первая любовь

Как – то всё само собою вышло:
Солнце раскалило майский день,
Зацветали яблони и вишни,
И вовсю кипенилась сирень.
Навсегда прощаемся со школой
И разлука с детством так близка.
Слышится печальное в весёлом
Голосе последнего звонка.
Вдруг во мне проснулось светом окон
Что – то, от чего хотелось петь,
Наизусть читать стихи из Блока
О „ Прекрасной даме ” ...
О тебе.
Стали чувства, мысли выше ростом,
Кончилась пора озорничать.
Почему такой красивой, взрослой
Раньше я тебя не замечал?
Выводя признательные строки,
Сердцем и несмелою рукой,
Понял я, что из чужой, далёкой,
Ты мне стала близкой и родной.
Как твоя ладонь в моей ладони
Оказалась – вспомнить не могу.
А потом над тихую водою
Плыл рассвет твоих горячих губ.
Мне они шептали еле слышно,
Тайну слов вне всяких теорем.
Зацветали яблони и вишни,
Пели соловьи, цвела сирень.

Подсолнух

Сходятся рельсы, расходятся,
Шепчутся, стонут, поют,
И через все непогодицы
Тянут свою колею.
Может от стука вагонного
Тонкий проснулся росток.
Солнышка жёлтую голову
Сквозь креозотовый смог
Он поднимал, поворачивал,
Зарился по сторонам.
Был он, как видно, мечтателем,
Мир захотевший познать.
Там между рельсами-стенами
Снится ему не могло,
Что у любви тень есть – ненависть,
А у добра тень есть – зло.
Гром пассажирского поезда
Грозно то шагом, то вскачь,
Близился с визгом и посвистом,
Словно веселый палач.
За равнодушными окнами
Теплился утренний чай
Только цветку одинокому
В голос хотелось кричать,
Чтобы хоть кто – то, хоть кто –нибудь
В бешеном море стихий,
Сел на стальную оглоблину
Просто послушать стихи...
Замер глагольной агонией
В горле запекшийся зной...
Солнышка жёлтую голову
Ветер носил озорной.

Чехов

К черту хандру и чахотку.
Рано кружит воронье.
Был у Антоши Чехонте
Дел океан до краев.

Снились и мучили грезы,
Чайкой белели вдали.
Он наряжал Землю в розы –
Главный садовник Земли.

Это не бред и не сказка –
В сад превратить земной шар.
Как всё в нем было прекрасно:
Мысли, лицо и душа!

Были хмельными закаты,
Плыли рассветы в дыму.
Всё, чем природа богата –
Всё покорялось ему.

Муза любви и печали
Сколько могла, берегла.
Были у ней за плечами
Два белоснежных крыла.

Он, то шутя, то серьёзно,
С русским размахом души,
Сквозь набегавшие слёзы,
Всех веселил и смешил.

Было и стыдно, и больно,
В неге жить, словно павлин,
Ждал его дух беспокойный
Остров мечты – Сахалин.

Мир – волчьей стае подобье,
Слово забросило в хлам.
Вы бы смогли, добрый доктор
Вылечить Землю от зла.

Неумолкаемым эхом,
Из самой темной глуши,
Кровью выхаркивал Чехов
Боль из народной души.

Жизнь, задержись на мгновенье
Каплей шампанского с губ!
Что ж это ты, Баденвейлер,
К «Солнцу» был нашему скуп?!

Я безо всяких гипербол
В сотню бы выкрикнул неб
Нервом своим на „их штербе”:
„Смерти прекрасному нет”.

„Их штербе” в переводе с немецкого: я умираю
Последние слова А.П. Чехова.

***

Не надо сплетничать о Пушкине,
Тащить из глубины столетий
Дешёвый лепет погремушечный
И словоблудить о поэте.

Кого любил он, с кем вальсировал,
Чьи ножки славил на страницах –
Не все ль равно? В нем абиссинская
Кипела кровь, а не водица.

Простого проще лгать и лукавить,
Стих лапата грязною рукою.
Простите Пушкина – Ланская,
Что нет ни сна вам, ни покоя.

Простим ему земные слабости,
Быть может, в них он черпал силы,
Для неземной хореи, ямбости,
Чтоб в вечной славе быть России.

Он был бунтарь с душой Хлопушиной
Любовь народа – бич для знати.
Мы знаем всё почти о Пушкине,
И ничего почти не знаем.

Брось первым камень в бронзу памяти,
Кто без греха на свете этом
Прожил, а Пушкин был от пламени:
Без пылкой страсти нет поэта.

Идет толпа равнодушная
К нему с поклоном уваженья.
Я сам влюблен безумно в Пушкина,
А что уж говорить про женщин?!

Не будьте псами и кликушами,
В порочных грезах не витайте.
Не надо сплетничать о Пушкине,
А лучше книги прочитайте.

***

Что ж ты мне не встретила в юности,
А пришла под занавес лет,
Когда всё труднее свой груз нести
К финишу без финишных лент.

Забелило голову инеем,
Надорвала сердце печаль.
Мне с тобой веселой, наивною
Жутко своей осени жаль.

Негасимый свет откровения
Вспыхнул за плечами, как нимб.
Даже этим чудным мгновением
Ничего нельзя изменить.

Не утопишь прошлого в проруби,
Не смахнешь как пыль со стола.
Наша встреча- горькие проводы
Жизни, догоревшей дотла.

Ты прости, что раньше не встретился
И в свою весну не зови.
По траве седой туман стелется
Эхом запоздалой любви.

Не смейтесь над наивными людьми,
Они по правде вовсе не наивны,
Душой своей они гостеприимны,
Вот на таких и держится весь мир.

„Будь ближе к людям сердцем и умом”-
Учил меня седобородый предок.
И я науке этой кровно предан -
Несу чужую боль в себе самом.

Я презираю ложь и похвальбу,
Высокомерья, спеси ненавижу.
„Не возвышайся – будешь впредь унижен,
Хоть и семь пядей у тебя во лбу”.

Я знаю: „Быть улыбчивым, простым –
Есть в мире высочайшее искусство”,
Когда тебе невыносимо грустно,
Когда с бедой ты встретился на „ты”.

О, эта в них святая простота,
Граничащая с силою таланта!
Пусть в них есть что – то от комедианта,
Но божий дар в них - это доброта.

Не каждому дано наивным быть,
Как быть певцом, художником, поэтом.
А мне всегда казалась странность эта –
Высоким назначением судьбы.

Мама

*Памяти Екатерины
Спиридоновны Барнаш.*

*Мать – земля! Береги мою мать,
Ты теперь ее главная нянька!*

Виктор Боков.

Память не предаст и не обманет,
Не сотрет живой ее портрет.
Рано – рано поднималась мама,
Раненько - ранехонько, чуть свет.

Успевала все до солнговсхода:
Печь, стирать, помыть полы в избе.
„Эта в барнашовскую породу” –
Говорили люди о тебе.

Ты на зависть всем своим подругам,
Редкой кружевницею была.
Обшивала целую округу,
И когда ж ты, бедная, спала?

Слышал я сквозь сон, под вой метели
Родниковый голос твой и мне,
Все казалось, - это тихо пели
Утренние звезды в вышине.

Как ты пела, мама, как ты пела!
„Под окошком вишня расцвела”...
Пела и работу разумела,
Где ж на все ты силушку брала?

Жизнь тебя и била, и ломала,
Голодать пришлось и холодать.
Выплакала слезынок немало,
Но не унывала никогда.

Ноженьки и руки натрудила
На земле сызмальства и вот,
Щедрая, навеки приютила
Половинку сердца моего.

Как тебе, родная, там живется,
В той стране за млечной пеленой?
Без тебя и солнце здесь – не солнце,
День здесь без тебя - черней чем ночь.

Погляди оттуда – видишь, мама,
Снег запудрил голову мою.
„Ничего не видно за туманом” –
Вспоминаю, плачу и пою.

Счастье для одних – мильон в кармане,
Для иных - икорка на столе ...
Счастье для меня – когда есть мама
И другого нету на Земле.

***

За пригорок закатилось лето,
Догорел смородиновый куст.
Взял сентябрь задумчивую флейту,
Чтоб на „бис” сыграть про свою грусть.

Мне под эту музыку не спится,
Когда звоном полнится листва.
Осень опечаленной Жар – птицей
Налетела в мысли и в слова.

Все давно привычно и не ново –
Времени живой круговорот.
Только снова, будто заколдован,
Я смотрю на этот хоровод.

Золотые струны листопада.
Мой сонет подхватят в „ля – минор”,
Понесут над опустевшим садом
К той в окно, которой все равно.

Еще бьется солнце в паутине,
На прожилках желтого луча,
По ему лишь ведомой причине,
То заплача, то захохоча.

Осени я друг и свойский в доску,
Нравятся и ей стихи мои.
Объяснюсь пойду в любви березкам,
Им, как людям, плохо без любви.

***

Пес служил хозяину честно,
От конца хвоста до когтей,
Но подкралась старость зачем-то,
Нет спасенья в этой беде

Никому: ни зверю, ни людям,
Даже птиц она не щадит.
И взорвалось сердце, как бубен,
На заре в собачьей груди.

Век у братьев меньших недолгий,
Но истер в осколки клыки.
Видел я в глазах его добрых
Слезы человеческой тоски.

Это ложь, что звери не плачут –
Плачут еще как и молчат,
И в молчаньи боль свою прячут,
И молчаньем этим кричат

Старшим братьям, только двуногим,
И „разумным” в зле и добре,
Что уйдем по той же дороге,
На такой же самой заре.

Падает снег с неземной колокольни,
Снова строкой припадаю к зиме.
Что седина? – Не жалею нисколько –
Это лишь мудрость безумству взамен.

Уединюсь в глубине снегопада,
Времени бег замедляя на шаг.
Мне в этой жизни немного надо,
Надо чтоб не охладела душа

К миру, где есть облака и дороги,
Травы, в которых снуют муравьи,
Домик отцовский, откуда я родом,
И перекресток мой – эхо любви.

Не был святым и счастливым не был,
Только мечте своей не изменял.
Может, вернусь я когда-нибудь снегом
К тем, за грехи не простившим меня.

Падает снег, невесомый и чистый,
С настежь открытых небес голубых,
Я у него только и научился
Быть и добрее и чище, чем был.

Больно глазам и душе тоже больно,
От налетевшей такой белизны.
То, что нам послано сверху от Бога,
Люди затопчут без всякой вины.

Только на лапах задумчивых сосен,
Словно из детства приснившийся мне,
Детской игрушкой замрет на морозе
Голубоватый нетронутый снег.

Я придумал тебя
из лучей восходящего солнца,
Из ромашек, гвоздик,
незабудок на вешнем лугу.
У крапивы огня попросил
на тропинке к колодцу,
Голос взял у ручья,
поспевая за ним на бегу.

У озер одолжил синевы,
белизны – у березы,
А сосна от души
подарила каштановый цвет.
Два своих лепестка
протянули мне алые розы,
Говоря про стихи,
что им нравится Тютчев и Фет.

Ночь и день, день и ночь
продолжалась живая работа.
Я такого полета мечты
не знавал отродясь.
Я тебя замешал на любви,
что от крови и пота,
И добавил печали немного,
что взял у дождя.

По наитию сердца
ты стала моим вдохновеньем,
Красоты несказанной,
про это не лгут зеркала.

За тебя я молил
у Всевышнего благословенья,
Чтобы он оберег
от несчастий и всякого зла.

У любви в облаках
развевается змеем бумажным
Мой рифмованный мир,
чем на свете живу и дышу.
Даже страшно подумать,
что все оборвется однажды
И стихов о тебе,
самых лучших, я не напишу.

Ты мой свет и огонь
в дни осенние в морось и в стужу,
И дыханье весны,
когда снег и метель за окном.
Жизнь – не вечность, а миг.
И когда черный ворон закружит,
ты печалью дождя
незаметно поплачь надо мной.